

Олег Беликов

**БУДНИ
ДЕТЕКТИВА НАХРАПОВА**

Детектива Нахрапова и его верного помощника Боброва ждут новые мистические приключения. В их бюро обратился клиент с просьбой выяснить загадочную историю дома, который он собирался приобрести. Выяснилось, что в доме по улице Щедринской, 12 каждые двенадцать лет происходят трагические события. Удастся ли детективам разгадать алгоритм загадочных смертей и предотвратить новые?

Олег Беликов, автор книг о детективе Нахрапове, известен, прежде всего, как публицист, автор книг научно-популярной тематики, адвокат и специалист по корпоративным спорам. Книга «Будни детектива Нахрапова» понравится всем любителям детективного жанра, мистических перипетий и запутанных сюжетов.

Будни детектива Нахрапова

Вахтанг Александрович Харатишвили

Частный детектив Нахрапов стремительно ворвался в рабочий кабинет и с разгона плюхнулся в свое излюбленное кресло. Его помощник Николай Бобров такой прыти от своего шефа никак не ожидал и сильно удивился. Лицо частного детектива светилось от радости. С белого плаща Нахрапова стекали потоки дождевой воды, и под его ногами мгновенно образовалась изрядная лужа. Кабинет пересекла цепочка грязных следов. Всегда аккуратный и подтянутый, детектив Нахрапов в вопросах соблюдения чистоты и порядка был требователен не только к себе, но и к окружающим. Должно было случиться что-то совсем уж невероятное, чтобы заставить его изменить своим привычкам.

— Что-то случилось, Родион Романович? — поинтересовался недоумевающий Бобров у взбудораженного Нахрапова.

— Всё, Коля, мы со своей задачей справились! В отношении кладовщика возбудили уголовное дело! — радостно ответил сыщик.

Вот уже два месяца частный детектив

Нахрапов и его помощник занимались расследованием хищений в супермаркете «Двойка». Руководство торговой сети не хотело огласки, поэтому обратилось в частное сыскное бюро, а не в правоохранительные органы. Товар в супермаркете исчезал в неизвестном направлении: время от времени выяснялось, что того или иного товара продано гораздо меньше, чем указано в накладных, но на складе его уже нет. Куда же он девался? Дело оказалось запутанным, и потребовалось немало сил и сноровки, чтобы вывести мошенников на чистую воду. Найти вора в коллективе из ста человек было делом сложным и кропотливым. Подозревали всех — от администратора зала до уборщицы, от менеджера по поставкам до завскладом и рядовых грузчиков. Шаг за шагом детективы разматывали ниточку хищений, и, в конце концов, она привела их к кладовщику Петрову. Две недели потратили сыщики на выявление механизма хищения, и вот теперь уголовное дело в отношении Петрова было возбуждено. А это означала выплату гонорара, возмещение всех расходов и, как было обещано руководством «Двойки», изрядные премиальные! Теперь Боброву была понятна радость Нахрапова, и он ее искренне разделял.

— Родион Романович, а Вы уже отчитались в «Двойке»? — поинтересовался помощник.

— Ещё нет. Сейчас составлю отчёт и буду

встречаться с руководством. А ты пока рассортируй чеки, квитанции и про бензин не забудь. В общем, сосчитай, сколько мы потратили на ведение этого дела, — распорядился Нахрапов.

Сводить дебет с кредитом и готовить финансовый отчёт Боброву нравилось: это означало, что работа сделана и пора получать гонорар. Можно было строить планы, как распорядиться деньгами и даже загодя присмотреть в магазинах нужные вещицы — а это очень даже приятные хлопоты!

Николай с головой окунулся в расчеты, а довольный Нахрапов ещё долго расхаживал по кабинету, разнося грязь из угла в угол.

Детективное агентство Нахрапова убыточным, конечно, не было, но похвастаться стабильным заработком оно, к сожалению, не могло. Бывали времена, когда удавалось неплохо подзаработать, а бывали и совершенно «пустые» недели и даже месяцы, когда детективы изо дня в день приходили в офис, отсиживали положенное время, но не зарабатывали ни копейки. Сегодня был поистине счастливый день!

Мысленное ликование Нахрапова прервал настойчивый стук дверь. Стол Боброва стоял у входной двери, поэтому Николай обычно и встречал посетителей.

На пороге стоял высокий мужчина в дорогом

стильном костюме. Короткая причёска была аккуратно уложена и закреплена лаком. Золотистая оправа очков придавала посетителю вид обеспеченного, уверенного в себе мужчины. Впрочем, сейчас он был явно чем-то сильно встревожен.

— Я не ошибся, это частное детективное агентство? — спросил посетитель, не переступая порога.

— Совершенно правильно, частное детективное агентство Нахрапова, — ответил Бобров и пригласил гостя войти.

— Родион Романович Нахрапов, частный детектив, — представил шефа Николай и добавил: — А я его помощник, Николай Бобров.

— Харатишвили Вахтанг Александрович, — с достоинством отрекомендовался посетитель. В его голосе звучал легкий, почти неуловимый акцент. — Можно присесть?

— Да-да, пожалуйста, — спохватился Нахрапов и указал клиенту на кресло для посетителей.

Непринужденно устроившись напротив детектива и закинув ногу за ногу, гость неожиданно спросил:

— А Вы хороший детектив?

— Знаете, я как-то не привык себя хвалить... Если нас Вам рекомендовали, значит, люди

довольны нашей работой, — уклончиво ответил Нахрапов.

Неожиданный вопрос застал сыщика врасплох, и он несколько смутился.

— Я был уверен, что Вы именно так и ответите, — удовлетворенно кивнул Харатишвили. — Да, мне рекомендовали вас обоих как хороших специалистов. Кто, не имеет значения, но мнению этого человека я доверяю. Извините, что не позвонил заранее, просто был рядом и решил зайти.

— Вам повезло, Вахтанг Александрович. Застать нас на месте сложновато — специфика работы, понимаете ли... — слукавил Нахрапов. Да, они с Бобровым иногда целыми днями разгадывают кроссворды каждый за своим столом, мучаясь от безделья и досадливо поглядывая на молчащие телефоны. Но посетителю об этом знать не обязательно. Надо же как-то «держаться марку»...

— Я к вам вот по какому вопросу, — начал гость после минутной паузы. — Я покупаю дом. Дом постройки начала прошлого века, но сохранился хорошо, расположен в красивом месте на окраине города. Меня всё устраивает — и цена, и техническое состояние, и, как я уже сказал, месторасположение. Но когда я захотел познакомиться с соседями и попытался расспросить их, кто там жил раньше, я словно наткнулся на

ледяную стену. Вначале мне казалось, что дело во мне. Мало ли какие люди в наше время покупают дорогую недвижимость? К ним часто относятся с недоверием. Но потом почувствовал — соседи не хотят говорить о *самом доме!* И я даже не догадываюсь, почему! Его продает агентство недвижимости, о продавце они знают только паспортные данные и то, что дом достался ему в наследство. Сам хозяин живёт в другом городе и здесь практически не бывает. В наше время, приобретая недвижимость, нужно быть очень осторожным. Мало ли что может случиться, не так ли?...

— Вполне с Вами согласен, — кивнул Нахрапов. — Очень часто бывает, что имущество приобретено добросовестным покупателем, но потом вдруг объявляются другие лица, имеющие на это имущество такое же право, как и продавец. Или на проданной жилплощади прописано несколько человек, и попробуй еще их выпиши! А если еще несовершеннолетние дети...

— Вот и я о том же, — прервал детектива Харатишвили. — Я вижу, меня не обманули. Вы действительно знаете свое дело, не приходится объяснять лишнего.

— Вы хотите, что бы мы разузнали историю этого дома? — поинтересовался частный детектив.

— Да, я хочу, чтобы вы выяснили всё, что с

ним связано — начиная с момента постройки и до сегодняшнего дня. О деньгах не беспокойтесь, я умею ценить профессиональную работу. И постарайтесь узнать, чем я так пугаю соседей. Почему они не хотят со мной разговаривать? Поверьте, для меня это очень важно! — акцент в голосе Харатишвили стал заметнее, выдавая волнение, хотя он, судя по всему, умел держать себя в руках. — Я человек в городе известный и, без ложной скромности, влиятельный. И не в последнюю очередь потому, что всегда умел находить общий язык людьми. С *любыми* людьми! А тут — не получается...

Харатишвили, казалось, мгновение колебался, прежде чем продолжить.

— И вот еще что... Я уверен, с юридической стороны с домом все в порядке. Но я вот здесь — посетитель приложил руку к затылку, — чувствую, что дело нечисто... Я чувствую опасность. А меня это чувство никогда не подводило. Иначе я давно был бы в могиле. В общем так, — резко сменил он тему, — договор купли-продажи дома будет подписываться через три дня, так что времени у вас в обрез. Беретесь? Успеете? — Харатишвили выжидательно посмотрел на Нахрапова.

Сыщики переглянулись, Бобров из своего угла утвердительно кивнул головой, Родион Романович сделал то же самое.

— Берёмся. Только для начала давайте выясним некоторые подробности, — предложил Нахрапов.

— Давайте, — согласился посетитель. — Если вас интересует сумма вознаграждения, то она составит... — Харатишвили достал из кармана блокнот в кожаном переплёте, «Паркер» с золотым пером и написал несколько цифр. Это был щедрый жест: обычно такая работа стоила вполонину дешевле. Однако возражать Нахрапов не стал.

— Так вот, нам хотелось бы выяснить некоторые подробности, — продолжил он через мгновение. — Где расположен дом? Кто его нынешний хозяин? Насколько я понял, по крайней мере, его паспортные данные в агентстве недвижимости знают?

— Совершенно верно. Хозяин, то есть наследник — некто Гаврилов Игнат Семёнович, дом принадлежал его тётке, Соболяк Прасковье Семёновне. Кстати, документы бюро технической инвентаризации датированы 1996 годом, прежний технический паспорт на дом был утерян. В БТИ сказали, что в архиве был пожар и сгорели документы по всей улице. Потом техники выезжали на местность, восстанавливали планы и техпаспорта. После восстановления в бумагах указана только последняя хозяйка — Прасковья Соболяк, а кто жил там раньше, неизвестно. Если

бы документы не пропали, я мог бы и по своим каналам разузнать об этих людях все, что мне нужно.

— Интересное уточнение... — задумчиво протянул Нахрапов, а сам подумал: «Да, у этого человека нашлись бы нужные знакомства на самых высоких уровнях... С ним надо работать очень аккуратно».

— А где расположен дом? — со своего места поинтересовался Бобров.

— На улице Щедринской, бывшая Солнечная. Щедринская, 12. Только учтите, через три дня мы совершаем сделку у нотариуса, поэтому будьте любезны, поторопитесь!

— А Гаврилов придет заключать договор? — спросил Нахрапов.

— Нет, Гаврилов не придет. Сделку купли-продажи будет оформлять агентство по доверенности.

— А его адреса у агентства случайно нет? — спросил Бобров.

— Случайно? Нет, — в голосе Харатишвили звучала ирония. — Свой номер телефона он им тоже не оставлял, связывается с агентством сам. Больше, к сожалению, я ничего не знаю, — с этими словами посетитель поднялся с кресла, давая понять, что разговор окончен. — Да, кстати, вот аванс на необходимые или непредвиденные

расходы, а остальное — по окончанию дела.

Харатишвили протянул частному детективу запечатанный конверт и вышел из кабинета. Бобров закрыл за ним дверь.

— Ну что скажешь, коллега? — спросил помощника частный детектив, распечатывая конверт.

Аванс был щедрым.

— Не зря у меня левая ладонь уже два дня чешется! — обрадовался непосредственный Бобров. — И из «Двойки» скоро деньги будут, и аванс от нового клиента... Всегда бы так везло!

— Рано радоваться, Коля, — охладил помощника Нахрапов. — Аванс пока трогать не будем. Сначала разберёмся, что к чему, потом посмотрим. Об отчёте, кстати, не забудь на радостях. Давай уже закончим с «Двойкой», а тогда пойдём кофейку попьём и о новом деле поговорим.

— С удовольствием, Родион Романович! Я ко всему всегда готов — хоть отчёты писать, хоть кофеёк пить! — шутливо отрапортовал Бобров.

Сыщики дружно расхохотались.

Тактика и стратегия

Через полчаса, освободившись от рутинного составления отчёта, частные детективы входили в кафе, расположенное неподалёку от офиса. Здесь их

хорошо знали.

— Добрый день, Инночка! — в один голос поздоровались сыщики с барменшей, симпатичной светловолосой девушкой.

— Добрый день, неустомимые труженики частного сыска! — улыбнулась она. — Что будете заказывать — коньяк или кофе?

— Коньяк ещё рановато, хотя повод, кажется, есть... Но лучше мы пока по кофейку! — ответил за двоих Нахрапов.

За несколько лет Инна неплохо изучила своих клиентов и обычно с первого взгляда безошибочно определяла, как у них идут дела. Благополучное завершение дела сыщики обмывали коньяком, если все шло наперекосяк — заливали неудачу водкой, а в перерывах между празднованиями или разочарованиями литрами поглощали кофе. Сегодня был как раз такой день: когда впереди работа, о спиртном не могло и быть и речи.

Столик у окна, за которым любили сживать сыщики, был свободен. Вскоре подошла Инна с подносом, на котором стояло две чашки с ароматным напитком: горький натуральный для Нахрапова и эспрессо для Боброва. Вкусы сыщиков хозяйка давно знала.

— Что нового на фронте борьбы с преступностью? — поинтересовалась она.

— Да всё так же — нас бьют, а мы

крепчаем! — отшутился Бобров. — Пока существуют преступления, мы без работы не останемся. А не будет преступлений — всегда найдутся ревнивые мужья, желающие знать, что делают их жёны. Твой-то хоть не из таких?

— Нет, мой хороший! Он меня совершенно не ревнует! — неожиданно искренне ответила девушка. Но спохватившись — что это за сантименты при посторонних? — она быстро расставила чашки и вернулась за стойку. Детективы сделали по глотку: кофе, как всегда, был великолепный.

— Ну, как тебе Вахтанг Александрович? — поинтересовался у помощника Нахрапов.

— Хозяин жизни. Из тех людей, от которых просто разит богатством и властью, — ответил Бобров. — Уверен в себе. Похоже, всего добился собственными руками. Не любит недоговорок, предпочитает держать любую ситуацию под жестким контролем.

— Согласен. Если бы он еще нас не дергал каждый час и пореже интересовался ходом расследования...

— Да, за такие деньги может и начать требовать ежеминутные отчёты, — помрачнел Николай. Мелочной опеки он не любил. Нахрапов всегда давал ему относительную свободу действий, доверяя его сноровке и интуиции, но оказывался

рядом, когда этого требовала ситуация. А если что-то шло не так, шеф никогда не упрекал своего помощника за промахи, а наоборот, подбадривал, зная впечатлительность Николая и его склонность к самоедству. Вот и сейчас, увидев изменившееся лицо помощника, Родион Романович дружески хлопнул его по плечу.

— Да ладно тебе! В первый раз, что ли?... Лучше скажи мне, с чего бы ты предложил начать.

За многие годы сотрудничества у сыщиков выработалась привычка вместе составлять план необходимых действий и строго следовать ему, согласовывая свои действия, а если ситуация выходила из-под контроля, ранее принятые решения пересматривались и утверждались новые. Начиналась работа над каждым новым делом всегда одинаково: с обмена мнениями и предложениями. Первым обычно высказывался Бобров, Нахрапов лишь подводил черту под рассуждениями помощника, изредка поправляя или критикуя его.

— Как всегда, Родион Романович: установить контакт с соседями, покопаться в архивах, сходить в БТИ. Где-нибудь хвостик ниточки подцепим, дальше — дело техники. Через адресный стол установим наследника... как его там?... Игнат Семёнович? — спросил Бобров шефа.

— Да, Гаврилов Игнат Семёнович, а тётка, бывшая хозяйка — Прасковья Семёновна Соболяк.

В БТИ могут быть документы на её имя, если наследник ещё не принял наследство.

— Можно и при совершении сделки переоформить документы, — пожал плечами помощник.

— Можно, — согласился Нахрапов. — Но это еще день-два. Нет, по всей вероятности, дом уже переоформлен на нового владельца, иначе бы Харатишвили так не торопился.

— Согласен, — кивнул Бобров. — Какие будут указания на этот счёт?

— Я сейчас отвезу отчёт в «Двойку», побеседую с руководством и попробую сегодня получить честно заработанные деньги. Оттуда заеду в БТИ и попытаюсь что-нибудь разузнать или заполучить документы. Там у меня есть знакомые. А ты дуй на Щедринскую, пообщайся с соседями, — напутственно произнёс Нахрапов. — Не мне тебя учить, как с бабульками на лавочках беседовать. И загляни в уличный комитет, может, там что знают. В нем обычно самые языкатые бабки развлекаются общественной деятельностью. В общем, поступай в соответствии с обстановкой, если что — звони.

— Кто на машине? — поинтересовался помощник.

На второй автомобиль детективы еще не заработали, и старым красным «опелем»

пользовались по очереди. В большинстве случаев на нём выезжал Нахрапов, а Бобров добирался до нужного места общественным транспортом.

Но, к удивлению помощника, Родион Романович решил иначе:

— Сегодня ты бери машину, тебе на окраину добираться. А то ведь только на дорогу убьешь полдня, а у нас времени в обрез.

Такой щедрости от шефа Бобров не ожидал.

— А как же Вы? — для приличия спросил он.

— Обо мне не беспокойся, мне много ходить не придется, — успокоил помощника Нахрапов.

Допив кофе, детективы разошлись в разные стороны.

Работа над новым делом началась.

Однокурсница

Сдав отчет о проделанной работе руководству супермаркета «Двойка» и получив честно заработанный гонорар, Нахрапов отправился в БТИ.

В узких коридорах люди сновали из кабинета в кабинет, словно муравьи в муравейнике. Казалось, в этом хаотичном движении не было ни смысла, ни логики. Однако эта суета только на первый взгляд напоминала броуновское движение: в ней был особый, не сразу заметный ритм и своя закономерность. Из кабинетов поменьше люди

переходили в просторные офисы начальников, где выстаивали длинные очереди в надежде заполучить вожделенную подпись. Оттуда возвращались в кабинеты рядовых сотрудников, и, снова выстояв очередь, предъявляли техникам разрешающие визы. Далее их путь лежал на второй этаж — там их дела согласовывались с иным руководителем, без чьей подписи документы были недействительны. Естественно, очередь была и там, и посетители коротали время в беседах о жилье и недвижимости. В таких разговорах нередко можно было получить дельный совет, как вести себя с тем или иным чиновником или как ускорить процесс сбора документов. Обменявшись опытом, люди вновь разбегались по кабинетам, и нужно признать, некоторые советы сильно облегчали жизнь тем, кто впервые попал в подобный человеческий муравейник и уже отчаялся получить вожделенные бумаги.

Но, как водится, иногда на определенном этапе бюрократический механизм давал сбой, и начиналось хождение по кругу: кабинеты, очереди, подписи... Без знакомств в бюро технической инвентаризации делать было нечего — проведя здесь несколько дней, ты оставался все на том же месте. Нахрапову было проще: в отделе юридического сопровождения работала его давняя знакомая, Римма Эдуардовна, не раз выручавшая

его в запутанных «бумажных делах».

Перед кабинетом юриста толпилась очередь, толкаться в которой у Нахрапова не было ни желания, ни времени. Не обращая ни на кого внимания, сыщик уверенно проследовал сквозь толпу и без стука распахнул дверь. У Римминого стола народу было не намного меньше, чем под дверью ее кабинета: люди окружили его плотным кольцом, наперебой задавая вопросы и протягивая ей всевозможные бумажки. Отбиваться от посетителей у Риммы не было сил. Приподняв голову на раздавшийся из-за открытой двери шум, Римма Эдуардовна увидела знакомое лицо. Извиняясь, она развела руками: сам видишь, не выпускают... Нахрапов понял: надо брать инициативу в свои руки.

— Римма Эдуардовна, вы готовы? Директор ждёт на совещание, — отработанным начальственным голосом произнес он.

Посетители замерли в ожидании, а Римма благодарно произнесла:

— Да, уже иду.

В кабинете раздался ропот недовольных голосов.

— Не переживайте, граждане, это ненадолго. Подождите, пожалуйста, в коридоре...

Посетители, переговариваясь, стали выходить из кабинета, следом вышли Римма Эдуардовна и

Нахрапов.

— Спасибо, Родион, хоть передохну пару минут, — поблагодарила она сыщика. — А то с самого утра такая суета — чаю выпить некогда.

— Всегда к твоим услугам, — галантно ответил сыщик. — У тебя всегда такое столпотворение?

— Только в приёмные дни, по вторникам и четвергам. Но в такой день к вечеру кажется, что неделю без перерыва отработала... — вздохнула Римма. — А ты по делу или так?

— По делу, Риммочка, по делу, и без твоей помощи мне не обойтись, — ответил Нахрапов.

— Давай в двух словах. Сам видел, какая ко мне очередь, ты меня и то еле отбил у толпы...

Чтобы объяснить цель своего визита, Родиону Романовичу понадобилось несколько минут.

— Да не дадут тебе ничего эти документы, хотя поднять их из архива несложно. По этой улице документы восстановленные, 1996 года. Помнишь, у нас в 96-м архив горел? То ли короткое замыкание, то ли скачок напряжения... Мороки потом было много, считай, по крупицам бумаги восстанавливали. Я проверю, что там осталось, и если найду что-то для тебя полезное, скажу.

— А если ничего не осталось? — поинтересовался частный детектив.

— Если не осталось, то дело хуже. Придётся

тебе ехать в Центральный архив, — ответила Римма.

— Когда тебе перезвонить? — спросил Нахрапов.

— Часика через два. Думаю, что к этому времени документы будут у меня.

Два часа надо было как-то скоротать, и Родион Романович поехал в офис. Не бродить же бесцельно по центру, наматывая круги вокруг БТИ? Лучше уж в спокойной обстановке еще раз обдумать план действий.

Соседка по имени Надежда

Остановившись у обочины, Бобров достал карту города. Карта была старая, улица Щедринская на ней еще именовалась Солнечной.

«Очень интересно, — подумал Николай, — двенадцать лет назад улицу переименовали, двенадцать лет назад в архиве сгорели документы, дом, который нас интересует, тоже № 12. Прямо какое-то магическое число!..».

По обеим сторонам улицы за высокими каменными оградами тянулся ряд живописных особняков. Еще несколько поворотов — и взгляду Боброва открылись пейзажи, достойные кисти художника: справа серебрилась гладь озера, слева просвечивали в золотой и багряной сентябрьской

листве разноцветные крыши и вычурные балкончики особняков. Несколько лет назад, устав от городской суеты, богатые и успешные люди начали выкупать недвижимость на окраинах, и на месте ветхих развалюх быстро выросли элитные посёлки. Цены на недвижимость здесь достигали семизначных цифр, и каждый более-менее преуспевший коммерсант теперь считал делом чести поселиться именно в таком посёлке. Видимо, и Вахтанг Харатишвили, добившись чего-то в жизни, решил для подтверждения статуса обосноваться на Выселках, как по привычке назывался этот район.

Николай вздохнул. «В центре бы нам такие дороги, а то сплошные ямы да ухабы, словно после танкового сражения... Да и вообще красиво тут как... Давно я на природе не был с этой работой. Разве что через парк на работу хожу, только оглядываться некогда»...

Покружив по посёлку, сыщик выехал на широкую улицу — это и была Щедринская. Двух-трёхэтажные дома по обе ее стороны были похожи друг на друга, как близнецы, а между ними возвышался великолепный старинный особняк. На фоне современных построек он выглядел как океанский лайнер на фоне утлых рыбацких лодок.

На калитке висела аккуратная табличка «улица Щедринская, 12».

Николай заглушил двигатель и вышел из машины. К его удивлению, дом выглядел так, словно его построили не в начале прошлого века, а всего месяц назад: ни пятнышка, ни трещинки, ни выбоинки в стенах. Вместо традиционного кирпичного забора его ограждала сетка, по которой вились розовые, голубые и белые клематисы.

От калитки вглубь двора вела бетонированная дорожка, вдоль нее росли кусты жасмина, калины и раскидистого можжевельника, на ухоженных клумбах цвели осенние цветы.

«Интересно, кто здесь наводит порядок? — подумал Бобров. — Если в доме никто не живёт, то во дворе должна быть опавшая листва. А здесь как будто кто-то специально ежедневно убирал двор. Может быть, агентство недвижимости наняло дворника?»

Дом Боброву понравился, он словно сошел со старинной фотографии. Сколько детей здесь родилось, сколько умерло стариков, сколько печальных и радостных событий пережили эти стены вместе со своими хозяевами!.. Не удивительно, что клиент захотел побольше узнать о его истории.

— С чего начать? — подумал Николай. Оглянувшись, он заметил играющих в песочнице девчушек лет шести-семи.

— Меня возьмёте к себе поиграть? — спросил

он у них, поздоровавшись.

Дети смотрели на незнакомца с подозрением.

— Не бойтесь, я не злой дядька, — попытался разговаривать с девчушек сыщик, старательно улыбаясь. Но результат получился прямо противоположным: дети, побросав игрушки, убежали в ближайший двор.

— Первый блин комом, — хмыкнул Николай, не особо огорчившись. С детьми он ладить не умел и никогда не понимал, что же он делает неправильно. — Ладно. Пройдусь-ка по соседям, может, разузнаю, что к чему.

Бобров подошёл к калитке дома номер четырнадцать и нажал на кнопку звонка. По двору разнеслась соловьиная трель. Камера видеонаблюдения, установленная над звонком, фиксировала каждый шаг чужака. Из дома долго никто не выходил, и лишь минут через пять из переговорного устройства раздался неприветливый женский голос:

— Вам чего нужно?

— Извините, я ищу ваших соседей. Бабу Прасковью, она в двенадцатом доме живет, — ответил Николай.

— Не живёт она уже, — буркнул голос.

— Как не живёт? — притворно удивился Бобров.

— Умерла полгода назад, — пояснила

невидимая собеседница.

— Как? Баба Прасковья умерла? — продолжал играть Бобров.

— Подождите, сейчас я выйду, — донеслось из переговорного устройства. Минуты через две калитка распахнулась, и в её проёме возник женский силуэт. Женщина стояла в тени навеса, и рассмотреть её Николай не мог.

— А вы, собственно говоря, кто? — спросила женщина и тут же сама ответила, — Родственник её, что ли?

— Двоюродный племянник.

— А, двоюродный... — протянула незнакомка. — Тогда понятно, почему вы не знаете, что баба Прасковья умерла.

Женщина вышла из-под навеса, и помощник детектива увидел, что она красива: стройная, лет тридцати, с роскошными рыжими волосами и ухоженным лицом. Интересно, Харатишвили к ней заходил? И она тоже не захотела с ним разговаривать? Бобров пока никакой враждебности не заметил. И, кажется, незнакомка пока не собиралась хлопать перед ним калитку.

— А как она умерла? — поинтересовался Николай.

— Грустная история, — передёрнула плечами собеседница. — Судьба у тетки Прасковьи была — никому не пожелаешь. Тяжело и долго болела, к

старости вообще сошла с ума, попала в клинику, там и умерла. Три года провела в психдиспансере. Да вы, наверное, и сами знаете...

— Нет, не знаю. Я ее плохо помню. Видел несколько раз, когда был совсем маленьким. Потом мы отсюда надолго уехали, а я недавно вернулся и решил навестить родню. А оно вон, оказывается, какое дело, — слукавил Николай и переспросил: — А что значит «судьба — никому не пожелаешь»?

— То и значит. Пережила и мужа, и сына, на старости лет осталась одна... Так вы что, в самом деле о ней ничего не знаете? — собеседница пытливо посмотрела на Боброва.

— В самом деле. Говорю же, мы уехали много лет назад, а письма она нам не писала... — продолжал врать Николай.

— Не удивительно, что не писала... Она и с соседями не особо общалась, хотя я иногда забегала в гости к ее племяннику, да и мама моя заходила... Я родилась в восьмидесятом, а мои родители поселились здесь в начале семидесятых. Баба Прасковья тогда уже жила по соседству. Говорят, что её муж ни с того ни с сего повесился, а она мало того, что осталась с ребенком на руках, так еще и всякого-разного наслушалась. Самоубийство-то грех, люди разное говорили. Что пил, что с головой у него было не в порядке, что это она его довела до петли... Но это все ерунда. Мама рассказывала, что

жила Прасковья с мужем как все, ссорились они не больше других, руку он на нее никогда не подымал, пил меньше, чем некоторые тут, — женщина неодобрительно повела глазами в сторону видневшегося вдалеке ободранного двухэтажного домика, невесть как выжившего среди особняков. — А сына Прасковья не уберегла, в Афганистане погиб. Мне было года четыре, но я помню, как привезли гроб, как хоронили, а солдаты давали салют на кладбище. Сразу после смерти сына к ней переехали родственники. Но, видать, судьба такая у вашего рода — вся семья погибла в авиакатастрофе году в девяносто шестом. Только племянник Прасковьи в живых остался, он тогда с ними не полетел. Мы с Игнатом одногодки, дружили, вместе в школу ходили. Вот ему и достался дом после смерти бабы Прасковьи. Только он в нём жить не хочет, уехал в другой город. Говорит, с домом у него связаны неприятные воспоминания. Куда он точно уехал, не знаю, только говорил, что сюда уже не вернётся.

От такого количества информации у Боброва голова пошла кругом. Значит так: все жильцы по очереди умирают, и в основном, не своей смертью. Просто заколдованный какой-то дом...

«Надо бы перепроверить всё, что услышал», — подумал помощник детектива, а вслух произнёс:

— Я все это впервые слышу. Игната видел ещё в детстве, сейчас бы, наверное, встретил на улице и не узнал... А где тетку Прасковью похоронили, не знаете? — поинтересовался Бобров у женщины.

— Как же не знаю? Знаю! — ответила женщина. — Если ехать по этой улице, — она махнула рукой в сторону проезжей части, — а затем свернуть вправо и до конца, то прямо в кладбище и упрётесь. Оно хоть и закрыто лет двадцать назад, но родственников подхоронить можно. Там вся ваша родня и похоронена.

— А вы не могли бы показать мне дорогу? — почему-то Боброву не хотелось так быстро расставаться с собеседницей, а уж придумывать предлоги он умел.

— Да как-то... — замялась женщина, — хотя если вы на машине, то почему бы нет?

— Вот спасибо! — обрадовался Николай.

— Подождите, сейчас переоденусь и поедем, — на ходу бросила женщина, исчезая в глубине двора.

Через несколько минут рыжеволосая красавица, переодевшись в джинсовый сарафан, уже сидела рядом с Бобровым и отдавала распоряжения:

— Значит так: сейчас прямо, а потом я подскажу, где направо.

— Спасибо, я с удовольствием буду слушаться ваших команд, — галантно поблагодарил Николай. — Меня зовут Николай, а вас?...

— Надежда, — ответила она.

— Хорошо тут у вас, спокойно, — обычно молчаливому Николаю сейчас молчать не хотелось.

— Вы летом у нас не были, здесь вообще красота! — подхватила Надежда. — У нас здесь и пруд недалеко, отдыхающих летом наезжает — тьма тьмущая! А вы где живёте?

Николай назвал свою улицу, но Надежде это название ни о чем не говорило. Позже она объяснила, что работает здесь же, в центре бывает крайне редко, да и город знает не очень хорошо.

— Ваш поселок, наверное, застраивался ещё до революции? — симпатия симпатией, но о деле помощник детектива не забывал.

— В конце девятнадцатого, в начале двадцатого века, — ответила Надежда. — Это сейчас одни новостройки кругом, а я ещё застала старые дома — такие красивые, с резными башенками, балкончиками! А по стенам вился виноград. Знаете, сколько знаменитостей у нас в посёлке жило? Нам в школе рассказывали, всех я и не вспомню. А сейчас это модное место... Скоро все старые дома снесут, и ничего не останется от того поселка, который я помню... Да что тут

говорить, сами всё видите!

— Да, вижу... — Бобров уловил грусть в голосе Надежды, и ему тоже стало грустно. Как-то, поддавшись минуте сентиментальности, он решил наведаться во двор своего детства. Лучше бы он этого не делал... Заброшенные сады с густым малинником, в которых он провел столько счастливых часов, играя с приятелями или читая книги, спрятавшись от летнего зноя, были давно вырублены; горки — любимое место зимних забав на лыжах и санках — скрыты, а на их месте возвышался многоэтажный дом. Не было ни детской площадки — теперь перед подъездом стояли автомобили; ни стадиончика, на котором когда-то зимой заливали каток...

— Повезло Вашему родственнику — такое наследство досталось, — произнесла собеседница и тут же спохватилась: — Ой, извините, это у меня вырвалось случайно!

— Да ничего, — успокоил её Николай, очнувшись от воспоминаний. — Как бы там ни было, жизнь продолжается.

— Вот здесь направо и до конца, — скомандовала Надежда.

— Есть, — не удержавшись, козырнул Бобров.

Вскоре показался местный погост с проржавевшими воротами, запертыми на огромный

замок.

— Ну, вот мы и приехали. Пойдемте, покажу, где баба Прасковья с роднёй похоронены.

Николай молча повиновался. Кладбище действительно было недействующим, но свежие могильные холмики попадались на каждом шагу. Угадав невысказанный вопрос Николая, Надежда опередила его:

— Я же говорила, что если здесь похоронены родственники, то разрешается хоронить и близких, — и, помолчав, добавила: — Ну, и еще хоронят тех, за кого хорошо заплатят. Новое кладбище далеко...

— Да понятно, — вздохнул Бобров. — Всё, как везде...

На эту тему ему говорить не хотелось, и остаток пути он молча следовал за Надеждой.

— Вот мы и пришли, — подойдя к дальней ограде, произнесла женщина. Помощник детектива остановился у свежего холма с ржавой табличкой.

— Прасковья Семёновна Соболяк. 1935–2008, — вслух прочитал он. — Семьдесят три года. А я о ней практически ничего не знал...

— Зато теперь знаете, — сказала Надежда. — А вот могила её мужа...

Николай перевёл взгляд на покосившуюся могилу без креста. На ней значилось «Степан Ефимович Соболяк. 1933–1972». Рядом было ещё

одно захоронение, над которым возвышался небольшой обелиск с пятиконечной звездой и табличкой «Соболяк Андрей Степанович, 1966–1984, героически погиб, исполняя интернациональный долг». При виде этого надгробия у Николая защемило сердце. Андрей Соболяк был его ровесник, и кто знает, может быть, они встречались на призывном пункте или в военкомате? Бобров хорошо помнил восьмидесятые: он тоже, как и многие тогда, написал рапорт с просьбой отправить их в Афганистан. Мальчишкам хотелось быть героями... Но на их рапорта смотрели сквозь пальцы и отправляли служить туда, где их ждали более рутинные, но не менее важные дела. Николай в Афганистан не попал, а вот Андрей Соболяк... И как поется в песне, «пришел домой в солдатском цинковом гробу...»

«Так мало времени прошло, а мы живём уже в совершенно другой стране, и подвиги этих мальчишек, таких, как Андрей, оказались никому не нужны. Да и выжившие воины-афганцы — тоже...» — думал Бобров.

Надежда молча стояла рядом.

Внутри ограды было ещё две могилы: Гаврилова Пётра Семёновича и Гавриловой Раисы Андреевны. Родились они оба в 1938 году, а умерли в 1996.

— А это...

— Да, родители Игната, — ответила на незаданный вопрос Надежда. — Я рассказывала, они погибли в авиакатастрофе.

— Жаль. Такие молодые... И сына сиротой оставили, — печально произнёс Бобров и, вспомнив о деле, поинтересовался: — А отчего муж бабы Прасковьи повесился?

— А кто его знает, — пожала плечами женщина, — говорили, что с ума сошёл, поэтому и разрешили похоронить на окраине кладбища, а так бы только за оградой. У нас тут стариков не переубедишь: самоубийство — грех!

— Да, — согласился Николай, уже думая о своем.

Какое-то странное чувство охватило его, смутное ощущение чего-то неуловимого: словно назойливая мысль крутилась в голове, но никак не могла принять чётких очертаний. «Что-то здесь не так, что-то здесь не так, — лихорадочно думал он, пытаясь сосредоточиться и переводя взгляд с могилы на могилу. — Что же меня смущает?...»

И тут Боброва осенило.

— Закономерность! — воскликнул он.

— Что? — не поняла Надежда.

— Извините, вслух подумал, — стал оправдываться Николай, но Надежда не отступала.

И Николай решил поделиться с ней своими

догадками.

— Посмотрите на даты смерти — 72, 84, 96, 2008. — Николай по очереди указал рукой на надгробия могил в ограде. — Видите? Прослеживается чёткая закономерность — одна семья, одна кровь, а умирают люди каждые двенадцать лет! Видите?

— Вижу, — Надежда недоуменно пожала плечами, — я на это никогда не обращала внимания. Надо же — каждые двенадцать лет...

Боброву хотелось прыгать от радости, но, вспомнив, где находится, он сдержался.

— Двенадцать, двенадцать, — снова и снова повторял он и вдруг неожиданно хлопнул себя по лбу, — И дом номер двенадцать! Вы представляете, какое совпадение?!

— Точно, Щедринская, двенадцать, — механически повторила Надежда, — Прямо мистика какая-то!

— Жильцы дома номер двенадцать умирают каждые двенадцать лет!.. — не мог опомниться Николай, — А кто до бабы Прасковьи жил в этом доме и отчего умер, Вы не знаете?

— Не знаю, — с сожалением ответила Надежда. — А вот о доме всякое говорят, о нем идет дурная слава.

— Дурная слава?...

— Я всего не помню, но слышала, что кого-то